О тех, кого мы знали

Следуя своему давнему обычаю, я в очередной раз заглянул в книжный магазин, коих, к великому сожалению, становится всё меньше. Привычно обхожу просторный зал по часовой стрелке, не спеша осматриваю полки, выискиваю новинки, разглядываю красивые обложки. Иная обложка подобна художественному произведению или картине и явно служит эпиграфом к содержимому, спрятанному под ней.

Мой взгляд, как всегда, несколько дольше задержался на полке, где представлялись красноярские авторы. К землякам приходится относиться с особым пиететом, ибо земляк — «это как второй родственник», как говаривала моя мама. Попробуй обойди приветствием — может обидеться навсегда.

В центре полки выделялась ярким бордовым цветом и золотой надписью книжка. Дизайнер поработал на славу, как над рекламным баннером. Золотое название на фасаде обложки гласило: «ЖИТЬ РАДИ ЛЮБВИ». Любви все хотят, как известно, тем более что ей все возрасты покорны.

Хотел отойти, но, заинтригованный видом обложки и названием, беру в руки нетолстую, даже тонкую, как тетрадь, книжку. Имя автора выписано особенно необычным курсивом: «Лариса Баталова»; хвостик-завитушка от буквы

«а» переходит в такой же золотой рисунок кокетливой шляпки с цветочком, накрывает её имя, и всё это — одним движением! Каллиграфу нужно отдать должное, такой профессионал даст фору распиаренным китайским и японским мастерам.

Первое, что вдруг кольнуло: «Вот мажоры, всё есть, так ещё и книги о себе, любимых, выставляют!»

Помните, наверное, семейство Баталовых? Сам Баталов где-то растворился во времени, после обвинений и отсидки в московской тюрьме. Ну да Бог с ним. Не о нём речь сейчас.

И тут же чувствую укол совести: «Она же умерла! Дай Бог памяти, наверное, уже лет семь как минуло».

Тут же смягчив гнев на милость, решил: «Полистаю, однако».

Цена книжки оказалась очень демократичной, как сейчас часто говорят, всего пятьдесят рублей, явно не коммерческий вариант. Купил не раздумывая.

Начинаю пролистывать книжку сзади наперёд. Между пальцами левой руки скользят листки дорогой лощёной бумаги, из которой делают подарочные фолианты. Мелькают фотографии, которые занимают как раз половину книжки.

Рассматриваю картинки. Вот семья, Баталов и, конечно, сама Лариса, в своих вычурных шляпах и шляпках, в каких запомнил её наш город. Снова она — в интерьере своего ресторана, на лошади и даже в рыцарских доспехах! Наконец, с нашими всероссийскими знаменитостями: с Аллой Пугачёвой, когда она подарила ей свою шляпу, с кутюрье Славой Зайцевым.

Фотограф тоже не на телефон снимал, чувствуется рука профессионала.

На всех фотографиях она ещё здорова, наслаждается своим эпатажем. Впрочем, её выступления были нераздражающими, умеренными, но больше вызывающими улыбку.

Перекладываю книжку в правую руку и начинаю листать её правильно, то есть — сначала.

Всё предисловие написано красными буквами. Читаю последнюю строчку, со словом, выделенным заглавными буквами: «И вы, мои дорогие, прощайте, ЛЮБИТЕ, живите».

Она прощается...

Листаю дальше. Это стихи.

С нетерпением вчитываюсь в некоторые строчки более внимательно, как это бывает при скорочтении.

С любовью я за жизнь цепляюсь.
Болезнь и люди удивлялись:
Откуда силы я беру?
Да просто я его люблю!

Продолжаю чтение.

Как я хочу уютной быть и нежной,
Чтоб каждый день
мне приносил надежду —
Надежду на удачу и любовь,
Счастливой просыпаться утром вновь...

Читателю, даже неискушённому, тоже понятно, как хромают метр, рифма. Впрочем, чувства, заложенные в текст, не могут не тронуть.

Читаю дальше:

Всё. Повернула. Спокойно стою.
С болью на сердце на церковь смотрю.
Боже! — кричу я в душе.— Помоги!
Есть же на свете другие пути!

Полное ощущение чего-то страшного, неизбежного и безнадёжного. Обращение к Богу похоже на крик в пустоту! Даже эхо не отвечает.

Продолжаю пробегать глазами текст. Ещё строки. Она признала своё поражение. Успокоилась и даже шутит. На то она и мадам Шляпа, до конца.

Ну а если умру, на могилу не кладите
Мне ваши цветы.
Мои шляпы туда принесите,
Они очень мне будут нужны.

Вот прощальные слова мужу:

Ты мой бог, и тебя молю я:
Дай мне сил лететь и жить.
Ты мой друг, и тебя прошу я:
Никогда про меня не забудь.

Всё это очень грустно, конечно, но есть интересные метафорические находки:

Быть рядом с ним — какая блажь,
И в теле чувствую мандраж.
Я б назвала всё это просто:
В нём всё прекрасно, он по ГОСТу!

По ГОСТу-то оно надёжней, но всё больше как-то по техническим условиям получается. Хорошо, однако, заметила Лариса.

Лариса попрощалась с этим миром, не стыдясь корявой рифмы, незамысловатых текстов, но с любовью и без жалоб на судьбу. Но тоска, конечно, сквозит в каждой её строчке.

В этом есть что-то самурайское. Ведь самурай, перед тем как сделать себе харакири, мог сочинить стихи в своём японском стиле — танка или хокку. Так он выражал презрение к смерти и оставлял последнее письменное слово живым. В этом сила и воля отношения к неизбежным событиям по-русски: «Коль родился — так живи, коль помирать — так с музыкой!»

Я не даю оценку художественного качества произведениям Ларисы Баталовой, ни к чему, всё и так понятно. Всё, что ею написано, очень немудрёное, простенькое, ситцевое, что ли. Есть мотыльки-однодневки: поблестели крылышками и исчезли к концу дня. Это их судьба. Она попрощалась и оставила нас с любовью.

Её запомнили как мадам Шляпу, а она писала стихи.

Всего девятнадцать страниц в книжке.